

Г. И. КЛЕРЖЕ

<«Сам адмирал держался как-то в стороне от активного выявления своего “политического” лица»>

Вероятно, мало кто слышал о том, что, в случае успеха корниловского выступления в Петрограде и на фронте и в случае падения Временного республиканского правительства, возглавлявшегося А. Ф. Керенским, на посту диктатора России предназначался не генерал Корнилов, а адмирал А. В. Колчак.

Среди многих неясностей внутриорганизационной и политической формы самого движения, возглавлявшегося генералом Корниловым, туманным вопросом все время оставался и тот образ верховной власти, который фактически должен был бы прийти на смену Временному правительству.

Очевидно, это находилось в зависимости от того, в какую форму отольются ближайшие и последующие взаимоотношения между группой политических деятелей, окружавших непосредственно генерала Корнилова, и между самим Керенским.

В широких кругах и в политических салонах петроградского круга деятелей имя адмирала Колчака временами называлось в связи с проектами использования авторитетного имени адмирала в военноморских кругах и сферах, которому при этих условиях, естественно, предназначался пост морского министра.

Сам адмирал держался как-то в стороне от активного выявления своего «политического» лица в течение всего периода подготовки движения, направленного против Временного республиканского правительства.

Только однажды на одном из заседаний, происходивших в начале или в середине августа 1917 года в Петрограде, в помещении Бессарабского банка¹, расположенном на Невском проспекте, вдруг неожиданно появился адмирал А. В. Колчак.

Это заседание, организованное Николаевским² (директор этого банка), полковником Гейманом³ и другими, предназначено было, как

это выяснилось для остальных приглашенных несколько позже, для решения вопроса об окончательном возглавлении уже определившегося к тому времени движения.

Как сейчас помнится, за большим овальным столом разместилось семь или восемь человек, в том числе и адмирал Колчак, занявший как бы председательское, вернее почетное место за более узкой частью стола.

Напротив него, с другой узкой стороны стола, поместился автор сих воспоминаний. По бокам сидели Николаевский, Шаховской⁴, Алькимович⁵, Гейман и другие.

Так как автор сих строк несколько запоздал к самому моменту открытия заседания, то он и не знал в точности формулировки той повестки, которая, вероятно, была перед самым началом заседания кем-либо из собравшихся инициаторов собрания объявлена.

Не придавая особого значения факту присутствия на этом заседании адмирала Колчака, так как на предыдущих таких же заседаниях обычно присутствовал всегда кто-нибудь из новых лиц, которых раньше видно не было, пишущий эти строки все же неожиданно был удивлен, когда на этом заседании услышал последующую речь полковника В. В. Геймана. <...>

После нескольких малозначительных фраз своей вступительной речи он вдруг каким-то особо приподнятым тоном перешел на тему о том, что, мол, созревшее движение, в условиях современной ответственной обстановки в России, возглавить должен не кто иной, как уже известный на всю Россию герой Рижского залива адмирал А. В. Колчак.

О генерале Л. Г. Корнилове, имя которого было в то время на устах у всей России, на этом заседании, к крайнему удивлению, ничего ни разу не было сказано. Со слов Геймана выходило так, как будто все движение до сего времени исходило только от имени адмирала Колчака и под его непосредственным контролем и руководством.

В ответных словах на «торжественную» речь полковника В. В. Геймана адмирал Колчак, высказав благодарность за оказанное ему всем заседанием доверие и честь, между прочим объявил, что он уже получил приглашение от американского правительства на службу по военно-морскому ведомству и что, в связи с этим, он должен выехать в Америку через Архангельск и Англию.

Собираясь уехать туда в ближайшем времени, он просил членов заседания поддерживать с ним самую тесную связь и, в случае успешного завершения движения, телеграфировать ему для того, чтобы он смог немедленно вернуться обратно в Россию.

Некоторое время адмирал Колчак предполагал задержаться в Англии, по-видимому, не желая далеко уезжать от России, на случай необходимости скорого возвращения в Петроград.

При столь неожиданной обстановке таким образом как бы определилась будущая, после Керенского, форма правления Россией... Диктатура адмирала А. В. Колчака.

Знал ли об этом решении собрания и соглашался ли с ним генерал Корнилов, так и осталось до сего времени пишущему эти строки неизвестным.

Как и предполагал, адмирал Колчак вскоре уехал через Архангельск в Англию, но в Америку, к своему новому назначению, он так и не доехал.

И вместо «победной и пригласительной» телеграммы, адмирал узнал о полном провале всего выступления и об аресте самого Корнилова и всех ближайших соучастников как в Могилеве, так и в Петрограде...

Года через полтора после описанного заседания, уже в Сибири (в Омске) представляясь, по случаю прибытия и назначения на одну из высоких должностей по службе Генерального штаба в армии Верховного правителя адмирала А. В. Колчака, автор настоящих воспоминаний напомнил ему об этом экстраординарном заседании, «решения» которого не были, к сожалению, провиденциальными для всей России и лишь частично осуществились в отношении одной только Сибири.

Грустной улыбкой ответил адмирал на эти слова и при этом подчеркнул о том, что из участников того заседания в Сибири налицо оказались только он да представляющийся ему в данный момент собеседник. <...>

Из последующего разговора с адмиралом выяснилось, что он даже не знал и ничего не слышал к тому времени о судьбе всех остальных главнейших участников этого заседания, в том числе и о полковнике В. В. Геймане, «провозгласившем» адмирала «диктатором всея России». <...>

Ни генерала Корнилова, ни адмирала Колчака в настоящее время нет в живых. Оба эти высокопатриотических мужа России сложили свои честные солдатские головы на поле брани и на поприще предельного по их силам служения своей великой родине. Оба они не были, в конце концов, яростными политическими ретроgrадами, для того чтобы против памяти их мог бы, со своей «демократической» точки зрения, А. Ф. Керенский высказать теперь, как говорится, хотя бы задним числом, какие-либо существенные подозрения в их «политической неблагонадежности». <...>

Не оспаривая друг у друга власти ни в те дни, ни после, уже в самый разгар белого движения, Корнилов и Колчак шли к заветной цели раскрепощения России от власти Третьего интернационала, опираясь на сочувствие и мнение широких кругов русской общественности и выявляя исключительную свою терпимость даже к группам социалистического «вероучения».

